

УДК 329.61:323.28

ПОСТКОНФЛИКТНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СЛУЧАЕ ПОБЕДЫ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СИЛ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПАРАМЕТРЫ, ТЕНДЕНЦИИ

POSTCONFLICT TRAJECTORIES OF TERRORIST ORGANIZATIONS IN THE CASE OF THE VICTORY OF ANTIGOVERNMENT FORCES: PRECONDITIONS, PARAMETERS, TRENDS

Д. В. Прошин

D. V. Proshin

*Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля,
Украина, 49000, г. Днепропетровск, ул. Набережная Ленина, 18*

Dnepropetrovsk Alfred Nobel University, 18, Naberezhnaya Lenina Str., Dnepropetrovsk, 49000, Ukraine

E-mail: denis.v.proshin@gmail.com

Ключевые слова: терроризм, террористические организации, победа антиправительственных сил, постконфликтные траектории террористических организаций.

Key words: terrorism, terrorist organizations, the victory of antigovernmental forces, postconflict trajectories of terrorist organizations.

Аннотация. Статья посвящена постконфликтным траекториям террористических организаций, принадлежавших к лагерю победивших антиправительственных сил. Рассмотрены примеры еврейских группировок «Иргун» и «Лехи» (1930-40-е гг.), кипрской ЭОКА (1955-59, 1971-78 гг.) и южно-африканских «Умконтото ве сизве» и «Освободительной армии азанийского народа» (1961-1994 гг.). Постконфликтная динамика указанных вооруженных формирований проанализирована с учетом специфики политических конфликтов, их породивших, а также той роли, которую эти формирования сыграли в успехе антиправительственных сил. Раскрыты как специфические характеристики отдельных постконфликтных траекторий, так и общие параметры и тенденции их формирования.

Resume. The article concerns the postconflict trajectories of the terrorist organizations that belonged to the victorious antigovernment camp. Analyzed are the cases of the Jewish groups Irgun and Lehi (1930-40s), Cypriot EOKA (1955-59, 1971-78) and South African Umkhonto we Sizwe and Azanian People's Liberation Army (1961-94). The postconflict dynamics of the selected armed formations is analyzed in connection with the specifics of the political conflicts that gave birth to them and the role these formations played in the success of antigovernmental forces. Considered are both specific features of particular postconflict trajectories and their general parameters and trends.

Попытки разобраться в постконфликтной судьбе террористических организаций, принадлежащих к лагерю победившей оппозиции, могут показаться малосодержательными поисками очевидного: достигнутая победа означает власть, коренное изменение ситуации в пользу победителя, обретение новых возможностей и нового статуса. Но в действительности роль и место террористических организаций в ситуации, складывающейся после победы оппозиционных сил, отнюдь не однозначны. Ошибочно уже преподнесение успехов оппозиции исключительно как «заслуги» террористических организаций. Соответственно, отнюдь не бесполезны вопросы о том, что достигнутая победа может означать для самих террористов и какой оказывается дальнейшая судьба их организаций. Без ответа на них понимание природы терроризма и оценка его последствий будут далеко не полны.

Для анализа отобраны три конфликта, как правило, называемые в качестве примеров стратегического успеха оппозиционных сил, прибегавших к терроризму: 1) борьба за создание еврейского государства в Палестине, 1930-40-е гг.; 2) восстание против британских властей на

Кипре, 1955–59 гг.; 3) борьба против режима апартеида в ЮАР, 1961–1990 гг.¹ Антиправительственными формированиями, непосредственно применявшими террористические методы в ходе этих конфликтов, были соответственно: 1) «Иргун» («Национальная военная организация») и «Лехи» («Борцы за свободу Израиля»); 2) «Национальная организация бойцов-киприотов» (ЭОКА); 3) «Умконтото ве сизве» («Копье нации», МК) и «Освободительная армия азанийского народа» (АПЛА)².

Палестина. С первых шагов сионистского движения Палестина рассматривалась его участниками как единственный «дом» для еврейского народа. Наиболее категорично эти настроения выражались в стремлении к созданию независимого еврейского государства на всей территории «исторической Палестины» (включая земли к востоку от Иордана), в результате Первой мировой войны оказавшейся под контролем Великобритании³. Но в конечном итоге после сложных политических маневров, всплесков насилия и международных переговоров государству Израиль, созданному в 1948 г., отошла только часть палестинских земель. Другая их часть должна была достаться создаваемому одновременно с еврейским арабскому государству (для Иерусалима предусматривался особый международный режим управления). Нет недостатка в трактовках причин, побудивших руководство сионистского движения принять план раздела Палестины. Однако даже если этот компромисс действительно рассматривался умеренными сионистами лишь как временная уступка, призванная ускорить обретение независимости, он оставался предательством интересов еврейского народа с точки зрения радикалов, для которых единственным решением было «еврейское государство на обоих берегах Иордана»⁴. В свою очередь неприемлемым сочла раздел Палестины и арабская сторона. Противоречия вылились в вооруженные столкновения между евреями и палестинцами (1947–48 гг.), а затем – в первую арабо-израильскую войну (1948–49 гг.). Таким образом, радикалы-сионисты и арабы продемонстрировали полное «единодушие» в неприятии раздела Палестины, в результате чего возникли два взаимосвязанных конфликта – межеврейский и арабо-израильский. Постконфликтная динамика «Иргун» и «Лехи» была определена наложением друг на друга этих двух конфликтов.

Кипр. Изначальной двуединой целью тех сил на Кипре и в Греции, которые инициировали восстание 1955–59 гг., были независимость острова от Великобритании и энosis – объединение с Грецией⁵. Однако конфликт, в который наряду с греками-киприотами, Великобританией и Грецией были неизбежно вовлечены турки-киприоты и Турция, завершился компромиссом. Осознав невозможность энозиса перед лицом сопротивления турецкой стороны, а также намерения Великобритании удержать контроль над своими военными базами, греческая сторона согласилась на создание независимого кипрского государства (1960 г.) с разделением политических полномочий между греческой и турецкой общинами и сохранением на острове британского военного присутствия. Но отказ от энозиса, ставший важнейшей предпосылкой успеха оппозиционных сил, никогда не был единодушным, как не был устойчивым и созданный в 1960 г. механизм сосуществования двух этнических общин. В течение следующих четырнадцати лет нараставшие межобщинные противоречия (усугублявшиеся вмешательством Греции и Турции), а также противоречия между сторонниками и противниками энозиса среди самих греков расшатывали кипрское государство. Эти же противоречия задали внешние рамки постконфликтной динамики группировки ЭОКА.

ЮАР. Несмотря на то, что руководство Африканского национального конгресса (АНК) – ведущей политической силы черных южноафриканцев – занимало двойственную позицию по вопросу о применении насилия и пыталось сохранить возможность политического диалога, исход конфликта изначально виделся противникам апартеида как решительная победа над белым режимом⁶. Но поскольку к концу 1980-х гг. противостояние приобрело патовый характер, грозя

¹ Cronin A. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns*. Princeton University Press, 2009; Jones S., Libicki M. *How Terrorist Groups End: Lessons for Countering al Qaida*. RAND, 2008; Weinberg L. *The End of Terrorism?* Routledge, 2012.

² «Азания» – термин, использовавшийся некоторыми противниками апартеида для обозначения Южной Африки.

³ Burleigh M. *Blood and Rage: A Cultural History of Terrorism*. HarperCollins Publishers, 2009. P. 89.

⁴ Mendilov J. *Ideology, Party Change, and Electoral Campaigns in Israel, 1965–2001*. State University of New York Press, 2003. P. 34.

⁵ Karyos A. *EOKA and Enosis in 1955–59: Motive and Aspiration Reconsidered*. URL: http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/4th_%20Symposium/PAPERS_PPS/HISTORY%20II/KARYOS.pdf

⁶ Maharaj M. *The ANC and South Africa's Negotiated Transition to Democracy and Peace*. Berghof Research Center for Constructive Conflict Management, 2008. P. 13.

гражданской войной, лидеры АНК и правительство ЮАР признали необходимость компромисса, что, в частности, потребовало от руководства черного сопротивления отказа от идеи радикального демонтажа расистского режима и принятия более гибкой стратегии передачи власти, включавшей в себя переходный период, временные элементы совместного правления, инкорпорацию значительной части кадрового состава силовых структур старого режима в силовой блок нерасовой ЮАР и, наконец, возможность амнистии для военнослужащих и сотрудников сил безопасности белого режима, не совершивших тяжких преступлений и признавших свою вину. Вместо провозглашения решительной победы над апартеидом и немедленного искоренения всех его институтов пришедшая к власти оппозиция была вынуждена настраивать сложный механизм сосуществования со вчерашними врагами, включая сосуществование бывших боевиков из МК и АПЛА и тех, кто ранее стоял на защите белого режима⁷.

Следующая задача состоит в том, чтобы обозначить то конкретное место, которое террористические организации занимали в контексте рассматриваемых конфликтов, в особенности – к моменту их успешного для оппозиционных сил завершения.

«Иргун» и «Лехи». В 1930-х гг. сионистское движение раскололось на умеренное большинство, сочетавшее сионизм и социализм, и ревизионистское меньшинство, стоявшее на праворадикальных позициях. Именно агрессивным меньшинством (М. Бегин, А. Штерн и др.) были сформированы террористические организации «Иргун» (1931 г.) и «Лехи» (1940 г.), которые начали борьбу с палестинцами и британскими властями. Однако их действия, достигая своих оперативных целей, со стратегической точки зрения являлись лишь дополнительным раздражителем, но отнюдь не главной причиной ухода Великобритании из Палестины⁸. Более того, такие одиозные акции «Иргун» и «Лехи», как политические убийства или убийства случайных гражданских лиц, наносили серьезный ущерб репутации сионистского движения и затрудняли попытки его руководства достичь договоренности с британским правительством. За исключением нескольких месяцев в 1945-46 гг. умеренные подчеркнуто дистанцировались от экстремистов из «Иргун» и «Лехи» и даже сотрудничали с британцами в розыске и поимке членов «Иргун».

Возникнув как порождение самоизолировавшейся радикальной фракции в сионизме и своими действиями поставив себя вне закона в глазах британской стороны, эти организации вплоть до провозглашения независимости Израиля в 1948 г. оставались на политической периферии⁹. Никто из их представителей не принимал участия в обсуждении окончательных условий создания Израиля и не вошел в состав его первого правительства. Дальнейшая траектория «Иргун» и «Лехи» отражает попытки продолжить прежнюю агрессивную линию в отношении как умеренных сионистов, так и палестинцев и всех тех, кто с точки зрения экстремистов являлся препятствием на пути к созданию еврейского государства на всей территории Палестины.

ЭОКА. В отличие от «Иргун» и «Лехи» кипрская ЭОКА (образована в 1955 г.) являлась ударным элементом оппозиционного фронта. Однако итоги ее деятельности неоднозначны. Ни ЭОКА, ни британские силы не смогли достичь решающего успеха, и в результате конфликт был разрешен компромиссным путем. С другой стороны, ЭОКА удалось, несмотря на безусловное превосходство противника, создать те политические условия, в которых итоговый компромисс стал возможен¹⁰.

Восстание 1955-59 гг., выросшее из давней идеи «собираания греческих земель», пользовалось значительной поддержкой как на Кипре, так и в Греции. О ее уровне говорит то, что роль политического и одновременно духовного лидера движения взял на себя предстоятель Кипрской православной церкви архиепископ Макарий III. Руководство ЭОКА (полковник Г. Гривас и др.) полностью признавало Макария как выразителя интересов греков-киприотов. Но по мере того как конфликт приближался к своему разрешению, отношения между Макарием и руководством ЭОКА осложнялись. Готовность Макария отказаться от энозиса вызвала недовольство Гриваса, однако руководитель ЭОКА не имел возможности помешать выполнению заключенных в 1959 г. компромиссных соглашений. (Объявленный в розыск Гривас не принимал участия в переговорах – как и никто другой из представителей ЭОКА.) Выступление под лозунгом энозиса одновременно против популярного среди греков-киприотов Мака-

⁷ Truth and Reconciliation Commission of South Africa Report. Volume 1. 1998. P. 5-6.

⁸ Cronin A. Op. cit. P. 84-85.

⁹ Sprinzak E. Brother Against Brother: Violence and Extremism in Israeli Politics from *Altalena* to the Rabin Assassination. The Free Press, 1999. P. 39-40.

¹⁰ French D. Fighting EOKA: The British Counter-Insurgency Campaign on Cyprus, 1955-1959. Oxford University Press, 2015. P. 139-140.

рия и против греческого правительства, также отказавшегося от идеи воссоединения, означало бы для ЭОКА потерю поддержки как на Кипре, так и в Греции¹¹, поэтому Гривас подчинился принятым решениям и объявил о роспуске своих сил. Таким образом, в отличие от еврейских террористических организаций ЭОКА прекратила свое существование сразу по завершении породившего ее конфликта, несмотря на то, что ее основная цель не была достигнута. Но главная особенность постконфликтной динамики ЭОКА не в этом и не в ее первоначальном «растворении» в политических институтах независимого Кипра, а в ее позднейшем возрождении для борьбы уже с кипрскими властями. В 1959 г. единодушие Макария и греческого правительства в отказе от энозиса заставило ЭОКА смириться с компромиссом. Приход к власти в Греции военного правительства (1967 г.), питавшего враждебность к Макарию, дал сторонникам энозиса основания рассчитывать на реванш.

МК и АПЛА. Создание МК и АПЛА (1961 г.) отразило обострение межрасового конфликта в ЮАР, обусловленное жестоким подавлением мирных протестов против апартеида и запретом черных политических организаций – Африканского национального конгресса и Панафриканского конгресса, – каждая из которых сформировала свое вооруженное крыло. Панафриканисты из АПЛА, боровшиеся за «африканскую» Южную Африку, видели в белых законную цель и были готовы к кровопролитию. Действия МК сдерживались стремлением АНК к созданию нерасовой демократии и поэтому вначале сводились к бескровному саботажу, призванному «отрезвить» власти¹². В конце 1970-х гг. МК стало более агрессивным. Но даже после этого насилие осталось лишь одним из четырех пунктов общей стратегии АНК наряду с организацией массовых протестов, нелегальной политической деятельностью и развертыванием международной кампании по изоляции расистского режима¹³. Соответственно, и успех, достигнутый оппозицией, главным элементом которой всегда оставался АНК, отнюдь не был результатом исключительно насильственных акций МК или его союзников/оппонентов из АПЛА¹⁴.

Действия МК и АПЛА во время начавшихся в 1990 г. переговоров между правительством и оппозицией были продолжением политической линии их «материнских» организаций. Вступив в переговоры с властями, руководство АНК взяло на себя обязательство прекратить вооруженные акции МК (1990 г.), и хотя отдельные элементы МК были причастны к тому общему всплеску насилия, который ЮАР испытала накануне упразднения старого режима, АНК в целом остался верен ранее данному обязательству. В свою очередь руководство панафриканистов бойкотировало переговоры, и АПЛА не только продолжала атаки против белых, но и сместила их фокус с военных и полицейских на обычных граждан. Провокации совершала и противоположная сторона (так, в 1993 г. белым убийцей был застрелен начальник штаба МК К. Хани). Тем не менее демонтаж апартеида успешно завершился выборами 1994 г., принесшими победу АНК и его президенту Н. Манделе. (Панафриканский конгресс, в конце концов принявший условия мирной смены власти, получил чуть более 1 % голосов избирателей¹⁵.) Одобренная еще в 1993 г. Временная Конституция предусматривала включение отрядов МК и АПЛА в состав обновленных Сил обороны Южной Африки. 27 апреля 1994 г., в день выборов, МК и АПЛА официально прекратили свое существование. Наконец, в 1995 г. начала работать Комиссия правды и примирения, призванная дать оценку огромному числу нарушений прав человека, допущенных в ходе многолетнего конфликта как представителями силовых структур белого режима, так и членами МК и АПЛА.

Динамика МК и АПЛА на протяжении всей их деятельности определялась руководством их «материнских» организаций. Несмотря на периодические случаи своеволия отдельных ячеек – вполне объяснимые с учетом того, что и политические лидеры оппозиции, и руководство самих МК и АПЛА находились за границей (Замбия, Танзания), – политическое руководство сохраняло контроль над своими вооруженными формированиями. Прекращение деятельности МК и АПЛА и их включение в состав Вооруженных сил также было обусловлено политическими решениями, принятыми накануне передачи власти или непосредственно после нее и выполненными практически беспрекословно. Если постконфликтная динамика «Иргун», «Лехи» или ЭОКА отражала их политические амбиции, разногласия и конфликты с другими элементами оппозиционных сил, то динамика МК и АПЛА представляла собой дви-

¹¹ Karyos A. Op. cit. P. 18-19.

¹² Maharaj M. Op. cit. P. 11.

¹³ Ibid. P. 13.

¹⁴ Cronin A. Op. cit. P. 88-89.

¹⁵ April 26-29, 1994 General Election Results – Republic of South Africa Totals: National Assembly. URL: <http://electionresources.org/za/provinces.php?election=1994>

жение вдоль заранее намеченной для них линии. В Израиле и на Кипре бывшие террористические организации ставили новое руководство перед политическими вызовами и угрозами. В ЮАР бывшие вооруженные формирования не претендовали на самостоятельную роль и тем более не были силой, враждебной новым властям. Проблемы, связанные с этими формированиями, заключались не в противодействии им или заигрывании с ними, а в максимально эффективном и безболезненном осуществлении ранее уже согласованных решений относительно их будущего.

Обозначив общий контекст и отправные точки постконфликтных траекторий, можно перейти собственно к процессу их выстраивания.

Постконфликтная траектория «Иргун» и «Лехи». В начале противостояния с арабами, развернувшегося в 1947 г. как внутрисуданский конфликт и переросшего в полномасштабную межгосударственную войну, «Иргун» и «Лехи» дали согласие войти в состав образованных в мае 1948 г. Сил обороны Израиля. Но окончательного плана интеграции выработано не было. Более того, радикалы по-прежнему отвергали сценарий раздела Палестины. Отдельные их отряды сохраняли самостоятельность (жертвой такого отряда «Лехи» стал посол ООН граф Бернадот, пытавшийся предложить решение арабо-израильского конфликта в виде территориальных уступок с обеих сторон). Острые разногласия, взаимное недоверие и самовольные и провокационные действия радикалов привели к тому, что Израиль, находившийся в состоянии войны с шестью арабскими странами, оказался также перед угрозой вооруженной междоусобицы.

В итоге «Лехи» была объявлена вне закона уже властями Израиля, ее руководители и многие рядовые члены – приговорены к длительному тюремному заключению, а «Иргун» в последний момент выполнила ультиматум с требованием сдать оружие Силам обороны и подчиниться их командованию. Такой исход нельзя объяснить влиянием какой-то одной причины. Безусловно, «Иргун» и «Лехи» были слабейшей стороной конфликта, и, несмотря на воинственную риторику лидеров «Иргун», заявлявших, что их организация способна отразить любые атаки на свои базы¹⁶, радикалы не имели шансов в открытом столкновении с израильской армией. Вместе с тем у них уже был опыт долгой подпольной борьбы с сильнейшим противником – Великобританией. Поэтому отказ «Иргун» и «Лехи» от дальнейшего противостояния трудно объяснить только их слабостью. В то же время его единственной причиной нельзя назвать и патриотические мотивы радикалов (как это пытались сделать все те же лидеры «Иргун», утверждавшие, что они пожертвовали своими интересами, чтобы «не проливать еврейскую кровь»¹⁷). Подобное «самоотречение» радикалы продемонстрировали лишь после того, как их действия, продиктованные агрессивной идеологией и политическими амбициями, создали реальную угрозу междоусобного кровопролития. Наиболее вероятным представляется сочетание нескольких факторов – слабости «Иргун» и «Лехи»; сохранявшимся по обе стороны пониманием того, что затяжная вооруженная междоусобица поставит Израиль на грань поражения в арабо-израильской войне; и, как следствие, сохранявшейся у радикалов возможности, несмотря на обострение конфликта, войти – на условиях подчинения правительству – в политические и силовые структуры Израиля.

Отряды «Иргун» и «Лехи» вошли в состав израильской армии в 1948 г. Но конечной точкой постконфликтных траекторий этих организаций можно назвать участие в первых выборах в Кнессет (1949 г.) партий, созданных на их основе – «Херут» («Свобода») и «Список бойцов» соответственно. «Иргун» и «Лехи», безусловно, сыграли определенную роль в создании еврейского государства. Однако и им самим, и партиям, ставшим их политическим преемниками, провозглашение независимости Израиля не принесло ни власти, ни значительного влияния. В сумме «Херут» и «Список бойцов» получили менее 13 % депутатских мест¹⁸. Никто из их представителей не вошел в правительство, сформированное умеренными во главе с Д. Бен-Гурионом. На протяжении нескольких следующих лет «Херут» оставалась маргиналом, третируемым правящим большинством¹⁹. (Значение «Списка бойцов», получившего один мандат, было ничтожным.) Прошло почти тридцать лет, прежде чем восходившие к «Иргун» и «Лехи» политические силы смогли сформировать правительство (1977 г.). И хотя ореол «борцов за свободу» являлся частью имиджа нового премьер-министра М. Бегина (бывшего командира «Иргун») или нового председателя Кнессета И. Шамира (в прошлом – одного из лидеров «Лехи»),

¹⁶ Lapidot Y. The Irgun: A Short Story. URL: <http://www.daat.ac.il/daat/vl/theirgun/theirgun01.pdf>

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Knesset Elections Results. Constituent Assembly (which later turned into the First Knesset). URL: http://www.knesset.gov.il/description/eng/eng_mimshal_res1.htm

¹⁹ Mendilov J. Op. cit. P. 36.

этот поздний приход к власти бывших террористов, долгое время находившихся в лучшем случае во втором эшелоне израильской политики, лишний раз напоминает, что успех оппозиционного лагеря, частью которого являются террористические организации, отнюдь не означает автоматического успеха самих этих организаций и их руководителей.

Постконфликтная траектория ЭОКА. Созданная в 1955 г. «Национальная организация бойцов-киприотов» прекратила свое существование в 1959 г. Несмотря на то, что энозис, за который боролась ЭОКА, не был достигнут, архиепископу Макарию, избранному в 1960 г. президентом Кипра, удалось добиться лояльности большинства бывших руководителей и рядовых членов этой организации. (В первое правительство Макария входило пять министров, ранее принадлежавших к ЭОКА или бывших связанными с более широкими кругами сторонников энозиса.) Еще большее значение для нового режима имело то, что сама по себе перспектива слияния с Грецией, вдохновлявшая многих в 1950-х гг., утрачивала свою привлекательность по мере того, как на острове все отчетливее осознавались преимущества сохранения независимости²⁰. В то же время на Кипре оставалось некоторое число ветеранов ЭОКА, продолжавших вынашивать планы энозиса. В случае одних это была верность идеалу, в случае других – завуалированное стремление отомстить правительству Макария, якобы не воздавшему им надлежащим образом за их заслуги. Росту агрессивности этих элементов способствовало то, что, несмотря на достигнутое соглашение о разделении власти между греками и турками, межобщинная вражда после провозглашения независимости лишь усилилась (вплоть до кровавых столкновений в 1963 г.). Фигурой, способной возглавить выступавшие за энозис и враждебные Макарию силы, оставался бывший лидер ЭОКА Гривас (в 1959 г. по условиям мирных соглашений покинувший Кипр и переселившийся в Грецию). Однако важнейшей предпосылкой перехода радикальных противников Макария в наступление явились не амбиции Гриваса, а резкое охлаждение отношений между Кипром и Грецией после захвата власти в Афинах в 1967 г. «хунтой полковников».

Вскоре после переворота хунта начала на Кипре подрывную деятельность, целью которой был если не немедленный энозис, то, во всяком случае, низложение Макария и установление контроля над островом для «защиты интересов греческого народа». Террористические организации сторонников энозиса возникли на Кипре еще в 1960-х гг. Наконец, в 1971 г. под руководством тайно прибывшего на остров Гриваса была создана ЭОКА-Б («вторая» ЭОКА). Степень самостоятельности Гриваса и характер его отношений с греческими властями могут вызывать дискуссии²¹, однако бесспорно то, что после его скоропостижной смерти (январь 1974 г.) созданная им организация полностью перешла под контроль афинской хунты, превратившей ЭОКА-Б в один из инструментов свержения Макария. Объектом атак ЭОКА-Б стали не только турки, но и греки-киприоты, отвергавшие энозис. В июле 1974 г. ЭОКА-Б совместно с Национальной гвардией Кипра, с 1960-х гг. находившейся под командованием греческих офицеров и снабжавшей ЭОКА-Б оружием, совершила переворот, вынудив Макария бежать с острова. Новым президентом Кипра стал Н. Сампсон – ветеран «первой» ЭОКА и участник столкновений 1963 г. Переворот 15 июля привел к турецкому вторжению на Кипр и падению греческой хунты и марионеточного правительства Сампсона, что лишило ЭОКА-Б ее главной опоры. Если ЭОКА образца 1955-59 гг. пользовалась широкой поддержкой греков-киприотов, то ее «второе издание» осталось изолированной экстремистской организацией, с каждым годом все циничнее обслуживавшей интересы иностранного государства. В декабре 1974 г. власть Макария была восстановлена. В 1977 г. он скончался, но даже смерть главного противника, до конца своих дней остававшегося популярным среди греков-киприотов, не помогла ЭОКА-Б хотя бы немного усилить свое влияние. В 1978 г. она прекратила свое существование.

Итог деятельности ЭОКА-Б отмечен очевидной трагической иронией: организация, действовавшая под лозунгами «собираания греческих земель» и «защиты интересов греческого народа», стала одним из прямых виновников конфликта, в результате которого 37 % территории Кипра с находящимися там 70 % природных ресурсов острова оказалось под контролем Турции, а 200 тыс. греков-киприотов, населявших эти земли до 1974 г., превратились в беженцев²². Действия «первой» ЭОКА закончились компромиссом и провозглашением независимости Кипра. Действия ЭОКА-Б и ее союзников/хозяев из Греции поставили Кипр на грань катастрофы.

²⁰ Markides K. The Disloyal Opposition and the Fall of the Republic. URL: <http://www.cyprus-conflict.net/disloyalty%20-%20Markides.html>

²¹ Aslim I. Greco-Cypriot Relations in 1960-1974 in the Light of American Diplomatic Documents // ATINER'S Conference Paper Series. 2012. P. 10; Markides K. Op. cit.

²² The Events of July and August 1974: Two Official Views. URL: <http://www.cyprus-conflict.net/Greek%20v%20Turk%20narr%20-%201974.html>

Постконфликтная траектория МК и АПЛА. Еще в 1992 г., будучи единственным реальным претендентом на власть в новой Южной Африке, АНК принял программу полномасштабных реформ во всех сферах жизни страны – в том числе и в сфере безопасности и обороны. Отныне силовые структуры ЮАР должны были отражать расовый и гендерный состав южноафриканского общества и быть политически нейтральными; все те, кто служил в силовых ведомствах старого режима, получали право остаться на службе при условии принятия ими новой конституции. Однако реальный процесс формирования нового силового блока, предполагавший, в частности, слияние Сил обороны Южной Африки, МК и АПЛА, начался лишь после выборов 1994 г., поскольку каждая из сторон желала как можно дольше сохранять имевшиеся в ее распоряжении вооруженные формирования. Как уже говорилось, несмотря на то, что АНК выступала в качестве правящей силы, ее политика по отношению к белому меньшинству строилась на компромиссных началах. Это было особенно заметно в ходе формирования Вооруженных сил новой ЮАР. Силы обороны старого режима не потерпели поражения и не капитулировали; к 1994 г. они сохранили свой потенциал и, безусловно, количественно и качественно превосходили МК и АПЛА вместе взятые. Поэтому, хотя представители АНК и МК и осуществляли политический контроль над процессом интеграции (Панафриканский конгресс и АПЛА самостоятельной роли не играли), в решении ключевых практических вопросов инициатива принадлежала старому руководству Сил обороны²³.

В 1998 г. бывшие члены МК и АПЛА составляли лишь около 15 % от общего числа офицеров и генералов обновленных Сил обороны²⁴. Всего же в Силах обороны в 1998 г. насчитывалось 57 тыс. военнослужащих старой армии, около 12 тыс. бывших бойцов МК и около 4 тыс. бойцов АПЛА²⁵. Строго говоря, создание новой южноафриканской армии представляло собой не столько слияние различных компонентов, сколько включение МК и АПЛА в реформируемые армейские структуры, оставшиеся от старого режима (при полной смене политического и частичной смене военного руководства Сил обороны). В ходе интеграции немало бойцов МК и АПЛА было отсеяно как не соответствующие строгим армейским критериям. Более того, значительная часть бойцов добровольно отказалась от зачисления в армию. Всего к гражданской жизни вернулось около 53 и 62 % бойцов МК и АПЛА соответственно²⁶. Несмотря на назначение пенсий и организацию программ профессионального обучения, для многих из них этот переход оказался весьма сложным. Немало бывших членов МК и АПЛА, не сумевших адаптироваться к новым условиям, влились в преступные группировки, что привело к резкому росту как числа преступлений, так и их тяжести²⁷. Болезненность перехода к мирной жизни усугублялась еще и тем, что, признав оправданность вооруженной борьбы против апартеида, независимая Комиссия правды и примирения (1995–98 гг.) тем не менее возложила на АНК, Панафриканский конгресс и их вооруженные формирования (равно как и на правительство и силовые структуры ЮАР) ответственность за регулярно совершавшиеся ими «вопиющие нарушения прав человека»²⁸.

Очевидно, что в случае МК и АПЛА следует говорить не о постконфликтных траекториях этих организаций в целом, а о траекториях их отдельных элементов или даже их отдельных членов. Руководители МК и АПЛА, связанные с политическими лидерами, пришедшими к власти в 1994 г., заняли ряд ключевых постов в Министерстве обороны и в армии. В свою очередь рядовые члены МК и АПЛА оказались перед непростой задачей адаптироваться к жизни в новых условиях, в которых, помимо всего прочего, не все их действия в ходе завершившегося победой конфликта были признаны оправданными.

За вычетом малоэффективных ветеранских ассоциаций, призванных осуществлять лишь функции социальной помощи, на основе МК и АПЛА не возникло никаких партий или объединений, которые под теми или иными лозунгами участвовали бы в политической жизни ЮАР. Большинство бывших бойцов осталось в сфере влияния старых политических сил, и те из них, кто был недоволен своим положением, пытались привлечь внимание к своим трудностям, прежде всего, по внутрипартийным каналам. В некоторых случаях проявления недовольства приобретали форму стихийных протестов. И, наконец, немалое число ветеранов пе-

²³ Le Roux L. The Post-Apartheid South African Military: Transforming with the Nation // *Evolutions & Revolutions: A Contemporary History of Militaries in Southern Africa* / M. Rupiya, ed. Institute for Security Studies, 2005. P. 241.

²⁴ Williams R. The Other Armies: A Brief Historical Overview of Umkhonto We Sizwe (MK), 1961–1994 URL: <http://samilitaryhistory.org/vol115rw.html>

²⁵ Le Roux L. Op. cit. P. 243.

²⁶ Ibid. P. 254.

²⁷ Nell M. No Place by the Fire: The Story of South African Ex-Combatants and the National Peace Accord Trust. The Atlantic Philanthropies, 2012. P. 29–31.

²⁸ Truth and Reconciliation Commission of South Africa Report. 1998. Vol. 2. P. 325.

тициям и митингам предпочло обращение к преступной деятельности, не имевшей уже вообще никакой политической окраски.

Будучи сравнительно эффективными и быстрыми, трансформация и «демобилизация» МК и АПЛА не были и – учитывая масштабы этих организаций и сложность породившего их конфликта – не могли быть безболезненными. Тем не менее, руководству ЮАР, сохранившему контроль над бывшими бойцами МК и АПЛА, удалось избежать главной опасности – политизации возникших противоречий. Многие вопросы, связанные с судьбой ветеранов МК и АПЛА, остаются открытыми по сей день. Но, парадоксальным образом, это может быть по-своему обнадеживающим обстоятельством. Остро стоявшая в начале 1990-х гг. проблема дальнейшей судьбы многотысячных вооруженных формирований, распавшись на множество частных эпизодов, сегодня представляет собой лишь одну из хронических проблем, обременяющих ЮАР.

Очевидным образом, постконфликтные траектории «победивших» террористических организаций более разнообразны и сложны, чем может показаться по прочтении лаконичной фразы О. Кронин, пишущей о «небольшом числе случаев, когда террористическим организациям удастся достичь своих основных целей, что позволяет их лидерам провозгласить победу и распустить организации (или прийти к власти)»²⁹.

«Успехи» террористических организаций в действительности оказываются успехами коалиций антиправительственных сил, в которых собственно террористические организации играют максимум роль исполнителя политических решений лидеров оппозиции или вовсе представляют собой маргинальные элементы, не столько способствующие успеху, сколько отдаляющие его своими провокационными действиями. Так или иначе, ни в одном из рассмотренных здесь случаев обращение к терроризму не стало решающим фактором успеха антиправительственных сил. Сам формат этого успеха определялся в ходе консультаций и переговоров, в которых представители террористических организаций либо вовсе не принимали участия (по причине своей изолированности/одиозности/маргинальности), либо участвовали в качестве соратников/подчиненных, входящих в окружение политических лидеров оппозиции. Наконец, в каждом из рассмотренных эпизодов достигнутый оппозицией успех представлял собой компромисс, поэтому даже применительно к оппозиции в целом (не говоря уже о наиболее радикальных ее элементах) рассуждать о достижении «основных целей» можно лишь с существенными уточнениями.

Как показывает проведенный анализ, в подобных условиях постконфликтная траектория «победивших» террористических организаций выстраивается под влиянием комбинации следующих факторов: 1) степень идейно-политической близости террористической организации и других оппозиционных сил (прежде всего – занимающих ключевое положение в антиправительственной коалиции); 2) степень политической и оперативной самостоятельности террористической организации; 3) степень вовлеченности террористической организации в процесс согласования условий завершения конфликта; 4) степень согласия/несогласия террористической организации с условиями завершения конфликта; 5) наличие или отсутствие внешних сил, заинтересованных в завершении/продолжении конфликта, а также характер их интересов, степень их влиятельности и характер представляемой ими угрозы. Проявляясь в разной форме и сочетаясь в различных комбинациях, эти факторы очень далеко друг от друга разводят траектории террористических организаций, как правило, однообразно маркируемых как «достигшие успеха». В целом, однако, ясно: чем меньше политическая дистанция между террористами и их союзниками; чем эффективнее контроль за террористами со стороны политических лидеров оппозиции; чем меньше влияние подпитывающих конфликт внешних сил, тем выше вероятность того, что по завершении конфликта террористическая организация сравнительно быстро и легко «демобилизуется» и в том или ином качестве впишется в новые реалии. Напротив, чем резче расхождения между террористами и их союзниками; чем свободнее террористы в выборе своего курса; чем ощутимее влияние на террористов внешних акторов, заинтересованных в дестабилизации ситуации, тем вероятнее то, что успешное для оппозиции завершение первичного конфликта станет лишь временным спадом волны политического насилия. Во всяком случае, рассмотренные здесь примеры свидетельствуют, что не только начало и развертывание террористических кампаний, но и их «успешное» завершение представляет собой серьезное испытание – на этот раз для добившейся успеха оппозиции.

²⁹ Cronin A. Op. cit. P. 82.